

Фото Н.ЗВЯГИНЦЕВА

Валентин Плучек — человек Ренессанса

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

— Я никогда в жизни себя не переоценивал. Больше того, я всегда понимал, что я темный и невежественный человек. — С этих слов началась наша беседа с художественным руководителем Московского академического театра сатиры Валентином Николаевичем Плучеком. Один из патриархов отечественной сцены при этом был далек от кокетства. Просто он раз и навсегда установил для себя очень высокую шкалу ценностей.

Мне довелось за мою жизнь немало прочитать. Я "от корки до корки" прочел и знаю, например, всю французскую литературу. И все же я понимаю, что я — невежда. Потому что рядом с людьми, с которыми я шел по жизни, а это Мейерхольд, Маяковский, Назым Хикмет, Эйзенштейн, Пастернак, Эренбург, Фальк, моими ближайшими товарищами были драматурги А.Арбузов, А.Гладков, И.Шток, критик К.Рудницкий и много, много других замечательных художников с блистательной эрудицией и культурой, — рядом с такими людьми заболеть самодвольством очень трудно. Что меня формировало? Есть великое понятие — "традиции". И еще одно очень хорошее понятие — "академизм". За это я бы сегодня стал сражаться. Потому что сейчас наблюдается гибель многих традиций. А их надо сохранять. Не в силу консерватизма, а потому, что без традиций нет культуры. Нет наследия. Я помню, на фестивале в Авиньоне посмотрел спектакль моего кузена Питера Брука "Махабхарата". Когда кончился спектакль, у меня было такое ощущение, что рядом со мной вскочил, бешено аплодируя, Мейерхольд, с другой стороны от меня аплодировал Станиславский, а сзади меня кричал "браво!" Вахтангов. Почему этот спектакль был бы ими восторженно принят? Это был спектакль необычайно высокой культуры. Как же эти три великих человека встретились через пятьдесят лет? Это встретились традиции. Когда-то, на Втором съезде писателей Бухарин сделал доклад, который кончался чудной фразой: "Деятель искусства должен быть хозяином в кладовках мировой культуры". Так вот, эти люди встретились не на этом спектакле. Все произошло тогда, когда Мейерхольд увлекся комедией дель арте, восточным театром кабуки. Это все потом пережил и Питер Брук. Когда-то Станиславский увлекался йогой и индийской культурой — вот вам и индийский спектакль Брука. А Вахтангов с его поисками театральности? Все, что в мировом театре привилось, отпочковалось от традиций русского театра. И я сохранился не потому, что как-то особенно одарен, а потому, что чуть-чуть хлебнул того, что является традицией мировой культуры.

— Поэтому с вашей афиши не сходят имена классиков. Как все это уживается с понятием "сатира"?

— Мне понравилось, как недавно один рижский критик сказал, что у Театра сатиры нет будущего.

Потому что сатира как обличитель окружающей нас мерзости не может соперничать с каким-то неслыханным сегодня навалом через прессу и телевидение сплошной "чернухи" и того беспредела, который мы видим вокруг. Действительно, что сегодня делать сатирическому театру? Но вы обратили внимание, что в моем спектакле "Укрощение строптивой" очень много смеются? Самый дорогой товар в спектакле — смех. И здесь я отсылаю вас к "Театральному развезду" Гоголя, где он говорит о разном смехе. В этом спектакле — светлый смех. Потому что герои его — ренессансные люди. Они без комплексов. Это люди — до Достоевского, до Пруста.

— Хотелся обратить внимание на одну особенность вашей репертуарной политики. Вы способны актерам старшего поколения — лично каждому — подарить спектакль, а молодежь представить как мастеров, судя по тому объему и масштабу авторов и ролей, которые вы им доверяете.

— Да, одна из моих задач, чтобы рядом со "старыми деревьями" подрос "молодняк", и скорее дал "шуршащую листву". Поэтому я сознательно сделал такой жест: собрал "стариков": В.Васильеву, О.Аросеву, А.Ширвиндта и сказал: "Ребята, вы столько проработали в театре. Вы не только имеете право, вы заслужили бенедикс. Ставьте". И они поставили. А сам я занялся молодым поколением. Оно сейчас становится ведущим. И сегодня у нас в коллективе существует какая-то гармония, а самое главное — я не допустил раскола между поколениями, который многие театры привел к развалу. У нас актеры очень любят работать и делают все с увлечением, между людьми хорошие взаимоотношения. И более или менее сохраняется интеллигентная аура, а это сегодня очень трудно.

— По спектаклям видно, что у вас никто из актеров не чувствует себя вторым или третьим в труппе. Это дает ощущение стройности целого, независимо от того, эпизод актером играет или большая роль.

— Ну это, помимо всего прочего, входит в понятие "режиссерское мастерство". И режиссерская профессия, если она — профессия, прежде всего в том, что ставить пьесу надо из любви к автору, а не из ненависти. А если существует эта исходная скромная позиция, то есть и необходимость автора раскрыть.

— Поэтому вы Брехта ставите уже второй раз?

— С Брехтом особая история. В первой половине XX века он был самым модным драматургом и обошел все сцены мира. Не было театра, который бы не поставил "Матушку Кураж" или "Карьеру Артуро Уи", наша Таганка родилась "Добрый человек из Сезуана". Но Брехт вошел в наше сознание как политический автор. Брехт — коммунист, со своей очень четкой идеологической установкой. Брехт как критик язва капитализма. Такой же был Брехт у меня в первом спектакле, который имел большой успех и с которым мы объехали всю Западную Германию. Там Андрей Миронов блестяще играл Мекки Ножа и был центром спектакля. А дальше произошло следующее. Все то, что бичевал Брехт "по ту сторону", у них, а не у нас, все это перешло к нам. Срастание мафии с полити-

ческой властью, проституция, нищенство, люмпен, который провозглашает свои права. Все это стало явлением нашего общества. То есть Брехт сегодня не "их" писатель, а наш. Для меня это стало особенно ясно после того, как в прошлом году приехал на гастроли Грузинский театр им.Руставели и привез "Доброго человека из Сечуана". Я очень люблю Стурра. Это очень думающий, чувствующий театральную форму, по-настоящему большой мастер-режиссер. А ведь они ставили свой спектакль, когда в Грузии шла гражданская война, нечего было есть, царил беспредел. "Старик" театра приходили-уходили. А он с новой частью труппы по ночам репетировал. Я задумался. Почему Брехт оказался способным в этой ситуации увлечь такую группу художников? Если отбросить идеологию, что же у Брехта общечеловеческое? Он сегодня оказался очень жестоким не по отношению к капиталистическим язвам, а к человеческим порокам. Вот высшая идеология, независимая от партийной принадлежности. И я подумал, что Брехту предстоит второе рождение.

Другой момент — эстетика Брехта. В свое время его у нас страшно хотели "поженить" со Станиславским. А сам Брехт мне лично говорил: "Я ученик трех великих русских". И называл Мейерхольда, Маяковского и Эйзенштейна. И в своем втором спектакле "Трехгрошовая опера" мне нужно было оттеснить Брехта от "станиславщины". Корни брехтовского театра — остраение, обращение в зал, выход из образа — все это как раз в совсем других традициях. Поэтому у меня на сцене все бытовые реалии — антибытовые. В.Гаркалин-Пичем — скорее Труффальдино. Феллини когда-то говорил, что он весь мир делит на двух клоунов: "белого" и "красного". Так и у меня — "белый" — Ю.Васильев-Мекки Нож, "красный" — В.Гаркалин-Пичем. У нас в России очень любят и знают французских импрессионистов. Но мы мало знаем о другом крупном европейском течении — немецком экспрессионизме. Так вот, у меня в декорациях, когда опускаются фигуры женщин с вывернутыми ногами, — это Георг Грос, фигуры, стоящие сбоку, — Отто Дикс. За этот спектакль я очень благодарен Валерию Левенталю, он художник очень большой культуры. Стиль оформления спектакля — немецкий экспрессионизм. В этом спектакле я ни в чем не повторил предыдущий. Мне нужно было современные мотивы, запахи "срифмовать" с сегодняшней жизнью.

— Валентин Николаевич, на прощание хотелось бы узнать у вас рецепт вашей молодости. Что вам помогло пронести через всю жизнь такое ренессансное состояние души?

— Вы знаете, культура. К сожалению, наша молодая критика очень невежественная и, простите, "темная". Не приняв "Трехгрошовую оперу", они дали такие глупые и пошлые рецензии, что было стыдно читать их из-за неграмотности. К сожалению, им можно только посочувствовать.

Беседу велла Вероника ЗУЕВА